

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

© 1994 г., ЭО, № 3

А. М. Решетов

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ МАТОРИН

(опыт портрета ученого в контексте времени)

В последние годы в отечественной науке, в том числе в этнографической, все шире развивается процесс осознания, переосмысления пройденного пути за годы советской власти: формируются новые подходы к проблемам, которые еще совсем недавно считались удачно решенными, выявляются новые аспекты, на которые прежде не обращалось должного внимания, возвращаются из небытия незаслуженно забытые имена, а вместе с ними их научные идеи. Таким образом, мы полнее, глубже познаем историю своей науки и начинаем свободнее ориентироваться в современных ее проблемах.

Одной из ярких, деятельных фигур в советской этнографической науке конца 20-х — начала 30-х годов несомненно является Николай Михайлович Маторин, последний директор самостоятельного Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого АН СССР, первый директор Института антропологии и этнографии АН СССР, ответственный редактор журнала «Советская этнография»...¹ Его научно-исследовательская, научно-организационная работа, преподавательская и общественно-политическая деятельность была исключительно активной, он по праву был одним из признанных лидеров советской этнографической науки. В середине 30-х годов Н. М. Маторина репрессировали, и его имя надолго исчезло из истории науки. Несомненно, давно назрела необходимость рассказать о нем, о его многогранной деятельности, а через его жизнь и труды мы, может быть, лучше поймем и его время.

Порой о людях того времени пишут, что все они были подавлены страхом, что их общественная деятельность и поведение были конъюнктурными. Нам, живущим в бурные, совсем иные времена конца XX в., иногда нелегко понять поведение и мотивы поступков наших коллег предыдущих поколений, на долю которых выпала необходимость вольно или невольно принимать участие в революционной борьбе, в социалистическом строительстве, в утверждении марксистской методологии в отечественной этнографии. Еще предстоит написать подлинную историю нашей науки во всех ее сложностях и противоречиях.

Были ли среди наших коллег старших поколений искренне верящие в революцию, социализм? Думаю, что были, и немало, но, как ни парадоксально, именно многие из них оказались репрессированными. Они активно включились в борьбу за новую жизнь, вносили свою посильную лепту в слом старого и утверждение нового быта, новых отношений, искренне радовались достижениям социализма и огорчались срывами, в едином порыве славили передовиков и разоблачали врагов внутренних и внешних... У них были свои убеждения, своя логика жизни. Очевидно, нам надо выступать прежде всего не строгими судьями их поступков, а посмотреть внимательнее на эпоху, в которую им довелось жить. Может быть, через них и само время станет для нас хотя бы чуть-чуть более понятным...

Николай Михайлович Маторин родился 5 (17) августа 1898 г. в с. Первитино Тверской губернии². Мать — Зинаида Николаевна (1874—1939) происходила из

Маторин Н. М. (начало 30-х гг.)

крупного потомственного дворянского рода Хвостовых. Предки отца, Михаила Васильевича Маторина (1866—1926), были из мещан, сам он работал сначала писарем в Генеральном штабе, потом дослужился до штабс-капитана (в Царском Селе) и даже получил личное дворянство. После революции устроился хранителем дворцовых музеев.

Учился Николай Михайлович в Царском Селе в знаменитой классической гимназии, которую закончил в 1916 г. с серебряной медалью. В том же году он поступил на историко-филологический факультет Петроградского университета, но в 1917 г. был призван на военную службу³. Во время революции рано занялся пропагандистско-лекционной работой — в 1918 г. он уже лектор Отдела народного образования уездного Детскосельского совдепа, агитатор Детскосельского уездного военкомата. 15 марта 1919 г. Николай Михайлович вступил в ряды большевистской партии. В 1920—1922 гг. он на советской и партийной работе в Гдове⁴, а с июля 1922 г. — в Петрограде, где последовательно занимает должности секретаря Председателя Петроградского Совета и Председателя ИККИ (Исполком Коминтерна, — ред.) (1922 г.)⁵, помощника заведующего агитационно-пропагандистского отдела Петроградского губкома РКП(б) (1922 г.), члена Губ. КК (Губернская Контрольная комиссия. — ред.) (1925 г.), секретаря губернской комиссии по шефству над деревней, ответственного секретаря Ленинградского Союза рабочих обществ «Смычки города с деревней» и т. д.

Хотя Николай Михайлович не имел законченного высшего образования⁶, тем не менее, очевидно, из-за отсутствия достаточного количества партийных кадров в науке его с 1918 г. привлекали к различного рода лекционной работе, а с 1922 г. он уже занимался преподавательской деятельностью в ряде вузов Ленинграда, а именно: в Коммунистическом университете — ведет курсы исторического материализма, теории агитации и пропаганды, работы в деревне; в Институте политпросветработы им. Н. К. Крупской — работы в деревне; в Технологическом институте — основ ленинизма⁷. С 1924 г. Н. М. Маторин преподает в Географиче-

Маторин Н. М. с женой (начало 30-х гг.)

ском институте, в дальнейшем — на географическом факультете ЛГУ: в качестве доцента ведет спецкурс «Методы общественной работы в деревне»⁸.

В 1923—1926 гг. Н. М. Маторин работал научным сотрудником Ленинградского научно-исследовательского института марксизма, в соответствии с тематикой которого он написал ряд книжек о работе в деревне. Некоторые книги по этой же теме вышли под его редакцией⁹. В Коммунистическом университете в Ленинграде он вел специальный семинар по исследованию современной деревни, состоял членом Комиссии по изучению деревни при Ленинградской секции научных работников. Методам изучения села им было посвящено несколько докладов на различных научных съездах, конференциях и заседаниях¹⁰.

1922—1926 гг. — это первый этап научно-педагогической деятельности Н. М. Маторина. Из вышеприведенного перечня прочитанных им курсов в вузах города, написанных им лично работ и отрецензированных трудов других авторов, тем докладов очевидно, что ведущими проблемами в его научных изысканиях были методологические вопросы работы в деревне, смычки города с деревней. Столь пристальное внимание к жизни современной деревни определялось несомненно его активной партийной позицией.

Выше уже отмечалось, что Н. М. Маторин занимал видное место в ленинградской партийной организации, его деятельность в различных партийных структурах была довольно целенаправленной. От московско-нарвской парторганизации он был избран делегатом XXII Ленинградской губернской партконференции (с правом решающего голоса), проходившей с 1 по 10 декабря 1925 г.¹¹, т. е. накануне XVI съезда партии (18—31 декабря 1925 г.). Как известно, лидер ленинградской парторганизации Г. Е. Зиновьев и его сторонники потерпели на съезде неудачу: большинство съезда их не поддержало, а после съезда Г. Е. Зиновьев потерял ведущее положение в ленинградской парторганизации, в 1926 г. его исключили из Политбюро, а в 1927 г. — из состава ЦК¹². Потеряли свое положение в Ленинграде и его сторонники. Их в массовом порядке освобождали от постов в ленинградской парторганизации и направляли с большим понижением на работу в другие районы страны. Среди таковых оказался и Н. М. Маторин.

Уже 5 февраля 1926 г. Н. М. Маторин распоряжением Северо-Западного бюро ЦК ВКП(б) направляется на низовую работу в Псковскую область: в марте—июле 1926 г. он — заместитель заведующего Псковским ГубОНО, с августа 1926 — по август 1927 г. — заведующий Себежским РОНО. Здесь, наряду с основной работой, он находил возможность заниматься и научной деятельностью: был членом

Псковского общества изучения местного края¹³, написал «Историю Себежского края» (объемом 7—8 а. л., оставшуюся неизданной), весной 1926 г. на Ленинградском областном краеведческом съезде прочитал доклад «О методах изучения современной деревни», проводил антирелигиозные диспуты и др.¹⁴. Он уделял время и литературному творчеству: воспитанники местного детского дома на вечерах читали его стихи лирического характера¹⁵.

В сентябре 1927 г. Н. М. Маторин с семьей переехал в г. Казань, где в Обкоме партии курировал антирелигиозную работу и одновременно состоял сотрудником научно-методического кабинета. С января по сентябрь 1928 г. — заведующий бюро самообразования при Татнаркомпросе. В декабре того же года за фракционную деятельность (активное участие в зиновьевской оппозиции) он был исключен из партии, но в августе 1928 г. ЦКК ВКП(б) восстановлен по личному заявлению, с учетом перерыва. Несмотря на всю сложность своего положения в Казани, Н. М. Маторин много и плодотворно работает: именно там была написана книга «Религия у народов Волжско-Камского края прежде и теперь. Язычество. Ислам. Православие. Сектанство», изданная в 1929 г. в Москве Союзом безбожников и Главполитпросветом (объемом 11 п. л.)¹⁶.

В сентябре же 1928 г. Н. М. Маторин возвращается в Ленинград, получив поручение вести занятия в университете в качестве доцента. Начинается второй, самый плодотворный, период его исключительно активной научной и преподавательской деятельности.

Преподавание на этнографическом отделении географического факультета ЛГУ Н. М. Маторин начал по приглашению Я. П. Кошкина, возглавившего отделение после смерти Л. Я. Штернберга¹⁷. Для этнографов он читал курсы «Методика антирелигиозной пропаганды», «Современное состояние религиозных верований в СССР», «Советское строительство и национальный вопрос» и «Советское строительство среди малых и отсталых народностей», вел семинары — для восточнославянского цикла на IV курсе «Двоеверие в русской деревне», для антропологов — «История развития общественных форм». Будучи с 1929 г. заведующим антирелигиозным отделением факультета на историческом отделении Ямфака (факультет языка и материальной культуры, — ред.) ЛГУ, по циклу истории религии он читал курсы на темы «Современное состояние религии в СССР» и «Начальные формы религиозных верований у народов СССР», зимой 1928—1929 гг. на Северном факультете он вел занятия по обществоведению¹⁸. На геофаке он был председателем социально-экономической комиссии, на Ямфаке возглавлял комиссию по истории религии. Его положение как преподавателя в вузах Ленинграда было достаточно высоким: он занимал в ЛГУ должность доцента с 1924 г., в Ленинградском государственном историко-лингвистическом институте (ЛИЛИ) должность доцента с 1930 и профессора с 1931 г.

Н. М. Маторин принимал участие в создании учебных пособий. Особой популярностью пользовалось подготовленное под его редакцией учебное пособие — сборник статей «Первобытное общество». К его созданию были привлечены как опытные, так и молодые авторы, среди них — акад. И. И. Мещанинов, А. В. Шмидт, Б. Б. Пиотровский, С. Н. Быковский, А. Н. Бернштам, П. И. Борисковский, А. М. Золотарев, В. И. Равдоникас, С. В. Иванов, Е. Ю. Кричевский, А. Т. Лукачевский¹⁹. По свидетельству учившихся в те годы студентов, эта книга пользовалась у них большой популярностью благодаря четкости и доступности изложения материала. В ней давалась в сжатой форме наиболее полная характеристика жизни первобытного общества. Часто в библиотеке можно было услышать: «У Вас есть Маторин? — Нет, Маторин на руках». В течение ряда лет именно эта книга была основным учебным пособием по истории первобытного общества, прежде всего в Ленинграде.

Помимо преподавательской деятельности Н. М. Маторина следует отметить его работу в Географическом обществе, где он в течение ряда лет был председателем Отделения этнографии. В этой связи хотелось бы напомнить, что в 20—30-е годы, даже и после создания специализированного института в системе АН СССР,

Маторин Н. М. с группой сотрудников (начало 30-х гг.)

ВГО и его отделения и комиссии объединяли ученых разных специальностей и были важными центрами ленинградской и всесоюзной науки. Хотя ученый и немало сделал для развития этнографии в Обществе, его участие в работе Отделения этнографии по известным причинам прежде замалчивалось, о нем предпочитали не упоминать²⁰.

Основная же деятельность Николая Михайловича в конце 20-х — начала 30-х годов разворачивалась в различных научных центрах, причем он был не только практическим работником, но и зачастую непосредственным участником их создания.

В 1930 г. Н. М. Маторин возглавил этнографическую секцию Общества историков-марксистов при Ленинградском отделении Коммунистической Академии. С октября этого года секция значительно активизировала свою работу. На ее заседаниях были заслушаны доклады на самые различные темы: «Доклассовое общество как первобытнокоммунистическая формация» А. М. Золотарева, «О работах современных американистов» В. Г. Богораз-Тана, «Методология Фрэзера» В. К. Никольского, «Культурно-историческая школа в этнографии и ее критика» И. Н. Винникова, «Взгляды Ф. Энгельса на развитие рода и семьи в свете новейших этнографических данных» Е. Г. Кагарова и др. На двух продолжительных заседаниях секции обсуждались доклады Н. М. Маторина, Я. П. Кошкина и С. Н. Быковского на тему «Национальная политика партии и борьба с уклонами в этнографии». Н. М. Маторин сам выступал с докладом «Предмет и метод советской этнографии». Бюро секции было тесно связано с организационным комитетом по созыву Всесоюзного этнографического съезда. Особую активность в организации этой работы проявляли Н. М. Маторин и Я. П. Кошкин²¹.

Идея созыва этнографического съезда неоднократно декларировалась, судя по всему, проводилась организационная работа по его подготовке, но съезд так и не был созван. Важными вехами, определявшими развитие этнографии, явились этнографическое совещание ученых Москвы и Ленинграда в Ленинграде в 1929 г., Всероссийское археолого-этнографическое совещание в Ленинграде в 1932 г. и I Всесоюзный географический съезд в Ленинграде в 1933 г.²²

29 декабря 1929 г. председатель КИПСа (Комиссии по изучению племенного состава, — ред.) акад. Н. Я. Марр и ученый секретарь М. Г. Худяков обратились в Президиум АН СССР с предложением зачислить на должность научного сотрудника I разряда Маторина Н. М., «известного своими работами по этнографии

народов Поволжья, а также своею научно-общественной деятельностью»²³. 21 января 1930 г. Николай Михайлович приступил к работе, здесь он исполнял обязанности зам. председателя КИПС, зав. Русским сектором, зав. Европейским отделом²⁴. В КИПСе (ИПИНе — Институте по изучению народов, — ред.) он значительно активизировал работу научного коллектива по изучению религиозных верований и синкретизма²⁵, культуры и быта современного колхозного села²⁶, экспедиционную деятельность²⁷. Н. М. Маторин способствовал установлению разнообразных связей института с местными научными и музейными центрами, организации комплексного изучения народов региона. Как заместитель председателя ИПИНа он неоднократно выезжал в Нижегородскую и Нижневолжскую области, в Карельскую АССР²⁸.

Решением общего собрания АН СССР от 12 октября 1930 г. Н. М. Маторин был избран на высокий пост директора старейшего отечественного государственного музея — Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого²⁹. Несомненно, быстрому назначению его на крупные посты в АН СССР способствовало его членство в ВКП(б), но также очевидно, что признавались и его способности к научно-организационной деятельности. Стать во главе МАЭ было весьма почетным делом. Достаточно вспомнить, что во главе МАЭ только в XX в. стояли такие выдающиеся ученые, как академики В. В. Радлов, В. В. Бартольд, Е. Ф. Карский. К работе в МАЭ Н. М. Маторин отнесся очень ответственно. По отчетам АН СССР можно проследить большие изменения, происходившие в музее под его руководством и при ближайшем его участии. Так, в 1932 г. в МАЭ был открыт второй зал 1-го Этнографического отдела (первобытного коммунизма), где располагалась экспозиция, посвященная австралийцам и андаманцам. Вместо отдела эволюции и типологии культуры организован Кабинет музееведения и истории этнографии. Научно-исследовательская работа института была сразу теснейшим образом увязана с работой по реэкспозиции музея. При директоре систематически работало научное совещание. За год было проведено 19 заседаний с научными докладами³⁰. В 1933 г. в МАЭ открылось восемь новых крупных экспозиций и ряд временных выставок, введены в практику новые методы экспозиции с использованием кинофильмов, Яванского театра теней, кукольного японского театра, музыкальных иллюстраций и т. д. Была организована подготовка экскурсоводов, проведен ряд семинаров для преподавателей средних школ. В течение года пропущено 1026 экскурсий, а всего посетителей — 37 792 чел.³¹

2 февраля 1933 г. общее собрание АН СССР утвердило постановление Отделения гуманитарных наук о слиянии МАЭ и ИПИНа³², а 15 февраля уже начал функционировать созданный на их базе Институт антропологии и этнографии³³, и Н. М. Маторин стал первым его директором. Институт структурно (помимо отдела музея) состоял из трех секций рабочего совещания при директоре: этнографической (рук. Н. М. Маторин), антропологической (рук. Б. Н. Вишневский) и фольклорной (рук. М. К. Азадовский). Под председательством Н. М. Маторина при МАЭ работала комиссия содействия местным научно-исследовательским институтам. В институте были созданы новые подразделения, например группа первобытного коммунизма, значительно активизирована деятельность Ученого совета, рабочего совещания и т. д. Здесь постепенно собирались ведущие ленинградские этнографы, антропологи и частично археологи. К работе в музее и Институте Н. М. Маторин привлек ряд молодых талантливых ученых, среди которых С. М. Абрамзон, И. Н. Винников, С. В. Иванов, Н. А. Кисляков, Н. Ф. Прыткова и др. Для работы в институте были приглашены американский ученый Р. Ф. Бартон и индийский ученый В. А. Чатопада, на стажировку в США была направлена Ю. П. Аверкиева, в институте проходил аспирантскую подготовку американский индеец А. Финней³⁴.

Институт, возглавляемый Н. М. Маториным, с первого года своего существования заявил о себе как о крупном комплексном научном учреждении с широкими внутрисоюзными и международными связями.

Н. М. Маторин планировал поездки советских этнографов для полевой работы за границей. В 1932—1933 г. предполагалось послать первую советскую зарубежную экспедицию в Индонезию и на Новую Гвинею «для изучения одного из (или группу) примитивнейших народов земного шара, по марксистскому методу», хотя Николай Михайлович понимал, что для этого «придется преодолеть много политических и технических затруднений»³⁵. Как известно, именно эти препятствия не удалось преодолеть, и экспедиция не состоялась, да уже и не могла состояться в те годы. Понимал ли это Николай Михайлович?

Как мы уже видели, много сил и энергии Н. М. Маторин отдавал музейной деятельности. В 1930 г. он вошел в состав комиссии, готовившей антирелигиозную выставку. Экспозиция была размещена в залах Зимнего дворца и вызвала большой интерес в городе. В ее создании деятельное участие приняли В. А. Казакевич, А. И. Востриков, Н. А. Невский, Н. К. Каргер, Н. П. Дыренкова, Н. Н. Волков и другие ученые. На базе именно этой выставки было решено создать в системе АН Музей истории религии. Работой по его созданию и организации руководил комитет в составе акад. Н. Я. Марра, акад. С. Ф. Ольденбурга, Н. М. Маторина, С. Б. Волинского, В. Г. Богораза, последний был назначен и. о. директора этого музея³⁶. В 1932 г. Постановлением ЦИК СССР Казанский собор был передан АН для размещения в нем экспозиции создаваемого музея. Вклад Н. М. Маторина в его создание и организацию в нем научно-исследовательской и научно-просветительской работы высоко оценен в истории науки³⁷.

В системе АН Н. М. Маторин по справедливости имел авторитет крупного музейного специалиста. Его часто привлекали к организации различных академических выставок. Так, распоряжением Президиума АН СССР от 13 июня 1931 г. он был включен в состав Комиссии, организуемой в связи с подготовкой выставки по четвертичным отложениям Ленинградской области, приуроченной ко 2-й Международной четвертичной конференции, «для наблюдения за выполнением работ по организации выставки, возложив на нее ответственность за должный характер выставки»³⁸. В 1933 г. была утверждена постоянная музейная комиссия АН СССР под председательством акад. А. С. Орлова, наряду с акад. А. Е. Ферсманом, акад. С. А. Зерновым, Н. А. Штерном, Н. Г. Шпринцин, А. П. Ильинским, в нее вошел и Н. М. Маторин³⁹.

Активное участие Н. М. Маторин принял в работе I Всероссийского музейного съезда 1—5 декабря 1930 г.⁴⁰ В первый день он избирается в президиум съезда, выступает с приветствием от Центрального Совета Союза воинствующих безбожников, которое он под аплодисменты заканчивает лозунгами: «Да здравствуют наши музеи, проводники культурной революции!», «Да здравствует Союз воинствующих безбожников и ленински поставленная антирелигиозная пропаганда!»⁴¹. В дальнейшем он выступал в прениях по докладам И. К. Луппола «Диалектический материализм и культурное строительство» и Н. К. Крупской «Политпросветработа в музеях»; в последнем он призвал «на месте старых кунсткамер и прежних хранилищ создать подлинные очаги социалистической культуры»⁴². Выступая по докладу Ю. К. Милонова «Целевые установки и сеть музеев различного типа», Николай Михайлович развивал мысль об этнографии как исторической науке, отстаивал право на существование самостоятельных этнографических музеев и этнографических материалов в краеведческом музее⁴³. На антирелигиозной секции он прочитал доклад на тему: «Научная работа в антирелигиозных музеях»⁴⁴. Даже в условиях того времени ученый обосновал широкие перспективы научно-исследовательской и экспедиционной работы, призывая строить экспозицию на научной основе, чтобы она «давала для масс нечто глубокое и положительное»⁴⁵. К сожалению, общие политические установки увлекли тогда Н. М. Маторина и он играл в их реализации неблагоприятную роль, неясно только, по своей воле и убеждениям или по чьим-то указаниям. Это особенно проявилось в его обличении проф. Б. Ф. Адлера за публикацию статьи «Современное состояние науки о человеке в СССР» в немецком журнале «Архив антропологии» в 1930 г.: здесь были яростные призывы заклеить позором

«предательский поступок» проф. Адлера и принять постановление об исключении его из состава делегатов съезда⁴⁶. И, несмотря на разъяснение обстоятельств появления статьи, Н. М. Маторин, добивая морально уничтоженного участниками съезда коллегу, упорно продолжал настаивать: «Я считаю, что нужно особенно подчеркнуть, что гр. Адлер (уже не профессор, а гражданин! — А. Р.) на нашем съезде дал совершенно неудовлетворительные, уклончивые, лживые объяснения своих поступков»⁴⁷. Так этот человек, как и многие другие, соединял в себе служение настоящей науке и существующему режиму, не понимая, что неминуемо набирает обороты маховик репрессий, делая их массовыми, кровавыми, не предполагая, что таким образом он приближает и час своей гибели.

Плодотворную работу Н. М. Маторин провел в первой половине 30-х годов на ниве редакционно-издательской деятельности. Издававшийся в 1926—1930 гг. в Москве журнал «Этнография» был переименован в «Советскую этнографию», его издание перенесено в Ленинград, в 1931—1933 гг. редакцию возглавлял Н. М. Маторин. В этот период «журнал не только ставил и решал некоторые острые вопросы развития самой науки, но и выполнял очень важную для того времени задачу сплочения кадров этнографов и фольклористов, работавших в центре и на местах, играл роль своего рода организатора и пропагандиста этнографии и фольклористики. Его разносторонняя деятельность в те, теперь уже далекие годы, заслуживает высокой оценки»⁴⁸. То было сложное время, и не все в полной мере разделяют такую точку зрения⁴⁹, но несомненно одно: журнал поднялся на качественно новый уровень и в немалой степени способствовал развитию фольклорно-этнографических исследований в нашей стране, выдвижению новых молодых сил, сыгравших в дальнейшем определяющую роль в развитии нашей науки⁵⁰. Душой, организатором всей этой работы был Н. М. Маторин. В своей деятельности он опирался на поддержку членов редколлегии — ученых старшего поколения, таких, как академики Н. Я. Марр и С. Ф. Ольденбург, проф. В. Г. Богораз, а также творческой молодежи — С. М. Абрамзона, И. Н. Винникова, Н. И. Гаген-Торн, А. Г. Данилина, А. И. Клибанова, М. И. Шахновича. Среднее поколение было представлено С. Н. Быковским, Я. П. Кошкиным, М. Ю. Пальвадре. В редакцию были включены и москвичи: Э. К. Мансуров и А. А. Тахо-Годи. В 1934 г. журнал возглавил формально акад. И. И. Мещанинов, а фактически А. А. Бусыгин. Н. М. Маторин остался только в составе редколлегии, а в шестом номере его имя было снято уже в корректуре.

Много сил и энергии он отдал организации и изданию «Трудов Института по изучению народов СССР», редактированию «Известий ГАИМК» (Государственная Академия истории материальной культуры. — *ред.*), под его редакцией вышла целая серия работ его учеников и коллег.

Редакционно-издательская деятельность Н. М. Маторина не ограничивалась только Ленинградом, но имела всесоюзный масштаб. К таковой относится и упомянутая выше его работа в «Советской этнографии» и в редакциях других научных изданий. Он принимал активное участие в работе по подготовке энциклопедий. Например, как член редакции «Уральской советской энциклопедии» он организовал в ней и возглавил Отдел этнографии⁵¹. Под его редакцией выходили книги и в Москве⁵².

Творческие интересы Н. М. Маторина были довольно разнообразны, что мы и пытаемся показать в нашей статье. Его глубоко интересовали проблемы определения предмета этнографии и ее соотношения и размежевания с другими историческими науками, проблемы истории религиозных верований, религиозно-синкретизма, методика и методология этнографических исследований, краеведение, фольклор, формы социальной организации, история науки и т. д.

Конечно, подходы Н. М. Маторина к определению этнографии как науки следует рассматривать в контексте того сложного времени, когда бурлили страсти в дискуссиях о формациях и укладах, о правомерности деления народов на исторические и неисторические, о внедрении марксистской методологии в исследования, о борьбе с буржуазно-империалистической и клерикальной этнологией

и т. д.⁵³ Легко и непродуманно давались полемически заостренные оценки позиций коллег Е. Г. Кагарова, Б. А. Куфтина, П. Ф. Преображенского и других ученых. Сегодня нам нетрудно видеть ошибочность утверждений о том, что этнографии как самостоятельной науки не существует, что она растворяется в истории и специальных или частных исторических дисциплинах. Как бы делая вместе с тем уступки, он признавал: «Термин „этнография“ может и сохранить условное значение для той части исторического знания, которая связана с доклассовым обществом и его пережитками, поскольку они должны изучаться путем непосредственного наблюдения комплексно»⁵⁴. Таким образом он видит и объект этнографии, и методы его изучения. В другом документе, написанном Н. М. Маториным или по крайней мере при его участии, говорится о необходимости исследования тех «... теоретических и вместе с тем практических, политически заостренных проблем, при изучении которых этнографические материалы могут сыграть особо важную роль. Такими проблемами являются: а) процесс этногенеза и расселения этнических и национальных групп, б) материальное производство в его конкретных вариантах, в) происхождение семьи, г) происхождение классов, д) происхождение и формы религии, искусства и др. надстроек...»⁵⁵. Практически, а не на словах, ученый не отрицал да и не мог отрицать этнографию как науку, ибо он создавал и возглавлял Институт этнографии, был ответственным редактором журнала «Советская этнография». Как бы забывая о своих убеждениях, он и писал об этнографии как о науке, такой же, как археология или фольклористика⁵⁶. Отбрасывая полемическую шелуху, снимая политический налет с его утверждений, мы не можем не признать, что многие его положения об этнографии и ее соотношении со смежными науками, требования, предъявляемые к этнографии, звучат и сегодня актуально. Например, «я заранее подтверждаю старое этнографическое правило о необходимости знания языка изучаемого народа... Исследователи, работающие по истории хозяйства, права, религии и т. д., должны обязательно познакомиться с языком или языками изучаемой ими группы народов, чтобы иметь возможность непосредственного живого общения»⁵⁷. Н. М. Маторин также ставил задачу: «Необходимо укрепить научно-исследовательские институты и музеи, внедрить этнографические знания в школе и широкие массы трудящихся, развернуть популяризационную работу»⁵⁸. Разве сегодня нам не ясно, сколько бед нашему обществу приносит массовая этнографическая неграмотность? Николай Михайлович еще в самом начале 30-х годов предлагал бороться с нею. Мы и в наши дни повторяем как актуальные его слова: «Необходимо координировать работу этнографов с усилиями специалистов сопредельных дисциплин — истории, археологии, лингвистики, фольклора... Необходимо поставить на деловую ногу подготовку этнографических кадров в вузах и через аспирантуру. Съезды этнографов следует созывать периодически»⁵⁹. Факты показывают, что он заботился о перспективном развитии этнографии как науки и сам как ученый развивал ее.

Н. М. Маторин является одним из видных специалистов по истории народных верований и мировых религий⁶⁰. Его вклад в науку в полном объеме еще предстоит изучить, ибо в течение нескольких десятилетий его имя как исследователя фактически замалчивалось, а его труды и в наши дни практически мало доступны даже специалистам (в свое время они были изъяты из библиотек и уничтожены)⁶¹.

В круг научных интересов Н. М. Маторина входило изучение всего процесса развития религиозных верований. Проблемам возникновения ранних форм религиозных воззрений посвящены его работы «Первобытный коммунизм» и «Религия в родовом обществе», вошедшие в изданный под его редакцией сборник статей «Первобытное общество».

Наибольший вклад в науку Н. М. Маторин внес в исследование проблем религиозного синкретизма. «Пионером в работе по изучению восточно-европейского религиозного синкретизма в советское время в Ленинграде, конечно, надо считать Николая Михайловича Маторина»⁶². Еще в середине 20-х годов он читал на этнографическом отделении географического факультета ЛГУ курс «Веро-

вания русской деревни», который постепенно превратился в семинар. Затем работа по изучению религиозного синкретизма была перенесена в ГАИМК, где с августа 1929 г. начал работать Николай Михайлович. По его инициативе была создана и под его руководством работала группа по изучению истории культов как преемница Комиссии по составлению религиозно-бытовой карты СССР. В ее составе были этнографы ГАИМК, МАЭ, ИПИН и других научных учреждений. С осени 1930 по июль 1931 г. с докладами и сообщениями выступали И. И. Мещанинов, Д. К. Зеленин, П. П. Ефименко, А. Г. Данилин, М. Г. Худяков, М. Ю. Пальвадре, А. А. Невский, Г. А. и Н. А. Никитины, А. И. Новиков, Е. Р. Лепер и др. Среди участвовавших в заседаниях — В. В. Струве, Е. Г. Кагаров, В. Г. Богораз и др. Доклады Н. М. Маторина были посвящены: один — культу женских божеств в свете яфетической теории и второй — русским юродивым⁶³.

С образованием Музея истории религии и атеизма здесь также была организована работа по изучению религиозного синкретизма (в секции по изучению верований народов СССР). В докладах А. Г. Данилина, А. И. Васильева, А. Я. Дуйсбург, Г. А. и Н. А. Никитиных, И. Н. Винникова, Н. В. Малицкого, В. В. Ломиа-Бардавелидзе и др. содержался большой конкретный материал по проблеме. «Руководитель группы Н. М. Маторин старался привлечь для собраний участников различных этнографических экспедиций, начиная от студенческих экспедиций, организовавшихся по инициативе В. Г. Богораз, и кончая экспедициями научных учреждений»⁶⁴. Сам Николай Михайлович выступал здесь с докладами «Русские юродивые» (10 сентября 1932 г.), «К вопросу об изучении религиозного синкретизма» (14 июня 1933 г.), «Религиозные пережитки в Пушкинском районе Ленинградской области» (26 сентября 1933 г.), «Об изучении верований народов Советского Союза» (9 февраля 1934 г.), «Марийская секта кугу-орта» (материалы В. А. Мухина с комментариями Н. М. Маторина, 9 марта 1934 г.)⁶⁵.

В 1929—1931 гг. в ГАИМКе при активном участии Н. М. Маторина велась большая целенаправленная работа по составлению религиозно-бытовой карты, в связи с чем проводились интенсивные полевые исследования в Ленинградской и соседних с нею областях, а также в Северном крае. К сожалению, в дальнейшем такого рода картографические работы в религиоведении не были продолжены.

Сам Н. М. Маторин несколько своих работ посвятил исследованию проблем религиозного синкретизма, среди которых особо важное место занимает монография о религии у народов полиэтнического и поликонфессионального Волжско-Камского региона⁶⁶. Рассмотрев различные формы древнейших народных религий этого края (представления о душе, культ предков, почитание умерших, сохранения священных рощ, жертвоприношения, праздники и запретные дни, знахарство и народная медицина и т. д.), он проанализировал разнообразный этнографический материал по таким формам религиозного синкретизма, как мусульманское и православное «язычество». Синкретический характер религиозных верований, столь подробно и ярко изученных Н. М. Маториным, сохраняется и в наши дни. У чувашей, например, издавна бытовало священное отношение к дереву. В каждой конкретной местности выделялись свои, особо почитаемые деревья, которым давались даже собственные имена. Посадкой деревьев чувашаи отмечали наиболее значительные события в личной и общественной жизни. По случаю празднования тысячелетия крещения Руси один верующий чуваш посадил более полутора тысяч деревьев!⁶⁷

Для обоснования своих теоретических положений о формировании и бытовании религиозного синкретизма Н. М. Маторин широко использует сравнительный этнографический материал по самым разным народам. «Христа и апостолов мордвин-крестьянин представляет „по образу и подобию своему“, в мордовских рубахах, портах и лаптях... Совершенно логично с этой точки зрения, что католические миссионеры распространяют в Китае портреты Римского папы с

китайской физиономией, а в Африку посылают Библии, где святые изображены черными, а Богородица выглядит курчавой негритянкой»⁶⁸.

Эта книга получила множество положительных отзывов самых разных людей. Все отмечали, что исследование Н. М. Маторина построено на большом оригинальном полевом, литературном и музейном материале, собранном автором. Очень важно, что в процессе создания рукописи автор консультировался также с местными этнографами. Сохранился положительный отзыв проф. Е. Г. Кагарова на эту работу⁶⁹. Публикацию ее горячо поддержал А. М. Горький⁷⁰. Еще на рукопись в 1927 г. дала отзыв Н. К. Крупская, которая, кстати, как на неудачу указывала на значительное преобладание материала о старых верованиях и недостаточной показ изменений в религиозной жизни в советский период⁷¹.

В работе цикла «Православный культ и производство» Н. М. Маторин, основываясь на народном понимании образов христианских святых, установил наследственную связь древних славянских божеств — помощников в различных производственных занятиях (земледелии, скотоводстве, охоте, собирательстве, рыболовстве, ремеслах и т. д.) и образов православных покровителей этих занятий⁷². Степень развития культа того или иного святого в конкретной местности определялась значением здесь этого вида хозяйственной деятельности⁷³. Это, в частности, можно проследить на примере почитания святого Егория — покровителя скотоводства. В земледелии — основном занятии восточный славян — различные святые обеспечивали успех каждого этапа земледельческого труда: от сева (весеннего или осеннего) до уборки урожая.

И, естественно, что наиболее почитаемыми, главными святыми считались те, которые могли оказать свое влияние при самых различных жизненных и хозяйственных обстоятельствах. В этой связи особого рассмотрения заслуживает анализ Н. М. Маториным эволюции образа женского божества в православии⁷⁴. Истоки его исследователь находил на этапе собирательно-охотничьего хозяйства в многочисленных женских культах водно-лесных существ (берегинь, русалок и др.). Основываясь на научных концепциях, господствовавших в то время, в частности, разделяя концепцию акад. Н. Я. Марра о стадильности развития языка и общества, Н. М. Маторин анализировал становление женского образа божества. Он напрямую связывал культовые формы и тип производства⁷⁵. «Богородица для крестьянина-земледельца заменила и мать сыру-землю, культ которой, сам по себе, вероятно, появился позднее охотничьих. В различных географических полосах она давала свое покровительство различным промыслам, спасала от града и засухи, посылая удачу рыбакам и земледельцам»⁷⁶. Верующие видели в Богородице покровительницу семейного счастья и богатства, незамужние девушки ждали от нее помощи в поисках хорошего жениха и заключения удачных браков. Замужние женщины — обеспечения счастливой семейной жизни, рассматривали ее как целительницу и помощницу при родах. Богородица на Руси почиталась и как военное божество. Как подчеркивает Н. М. Маторин, Богородица — божество высшего синкретического порядка, к которому обращаются за помощью в любых, самых различных жизненных ситуациях.

Эта книга построена на значительном этнографическом и фольклорном материале и представляет немалый интерес для современного исследователя своими выводами. И, хотя эта работа с середины 30-х годов была изъята из научного употребления, она не потеряла своего значения и сейчас⁷⁷. Все последующие исследования по этой теме только подтвердили основные выводы ученого. Вновь обратимся к авторитету В. И. Чичерова, который писал: «Слившиеся образы Параскевы Пятницы и богоматери представляют собой главное женское божество, истоки которого надо искать в дохристианских верованиях восточных славян. Этому божеству дано было христианское имя. Обряды, связанные с ним, прикрепились к датам аграрного календаря, получившим название по именам святых, празднуемых в эти дни, соответственно церковным святцам. Но сущность осталась той же. Исконный образ древнего божества, унаследованный земледельческой богиней — Пятницей, подчинил себе и объединил все другие образы

христианских святых, которые почитались покровительницами женщин»⁷⁸. Заслуживает внимания то, что он показал универсальный, всеобъемлющий характер этого женского божества в православии.

Диапазон исследований Н. М. Маторина в области религии был необычайно широк. Он рассматривал эволюцию религиозных образов не только и не столько в ретроспективном плане, но и как живой постоянно идущий процесс. На современном ему материале он пытался показать феномен формирования новых священных в православном культе⁷⁹.

Как считает на основании изучения архивных материалов Г. А. Носова, все эти исследования «являлись ступенью к задуманной им двухтомной монографии по бытовому православию, первая часть которой подготавливалась им к печати»⁸⁰.

Николай Михайлович придавал большое значение методологии изучения религиозного синкретизма. Давая определение понятия «религиозный синкретизм», он писал: «Под ним принято подразумевать смешение представлений и культовых действий, относящихся к различным религиозным системам. Частными случаями религиозного синкретизма являются известные всем моменты „двоеверия“ или даже „троеверия“... То, что принято было называть „народными“ культами или „антропологическими“ религиями, будучи связанными тысячами переходных звеньев с религиями „высшими“ или „сложными“, есть на самом деле результат переживания „остатков“ прежних формаций в более развитых»⁸¹. Основываясь на громадном материале, накопленном по этому вопросу в этнографической, исторической и религиоведческой литературе и учитывая распространенность различных форм религиозного синкретизма, Н. М. Маторин предпринял попытку классификации этих форм. Им выделены три группы явлений: 1. «Факты переживаний более примитивных культов в более сложных. Таковы все элементы анимизма, фетишизма и магии в буддизме, христианстве и исламе»; 2. «Факты, когда элементы более сложных культов внедряются в более примитивный культ, сохраняющий, однако, целостность основной концепции и характера. Таково, например, воздействие буддизма или христианства на шаманизм»; 3. «Явления, когда налицо смешение представлений и культовых действий нескольких сложных религий. Сюда относятся взаимные скрещения христианских, мусульманских и буддийских религиозных культов»⁸². Определяя понятие «пережиток» как явление в истории культуры, Николай Михайлович рассматривал его взаимосвязи как с уже отжившим социально-экономическим укладом, так и с реальной структурой современного общественного организма. Для него важно было прежде всего понять механизм функционирования того или иного явления и проследить его генезис в зависимости от изменений в жизни общества. Только в этом контексте, считал исследователь, можно наиболее точно раскрыть существо религиозного пережитка⁸³. Как видно, здесь автор не искал только пережитки примитивных культов в развитых мировых религиях, но, осмысливая и объясняя весь спектр форм проявлений религиозного синкретизма, творчески подходил к анализу предмета.

Большое количество научных статей Н. М. Маторин публиковал в журналах, преимущественно таких, как «Антирелигиозник», «Безбожник», «Воинствующий атеист». Все его работы по исследованию проблем религии в той или иной мере имели своей задачей способствовать антирелигиозной пропаганде. Особое внимание он обращал на организацию изучения религиозности населения различных конкретных регионов, пытался понять специфику ситуации в них, осмыслить проблему в теоретическом и практическом плане. Много сил он отдавал подготовке антирелигиозных кадров, совершенствованию методики антирелигиозной работы на разных уровнях, поискам гибких, отвечающих конкретным условиям форм воздействия на верующих. Здесь уместно напомнить, что в 1929—1934 гг. Николай Михайлович возглавлял Ленинградский областной Совет воинствующих безбожников, а с июля 1930 г. состоял членом Исполнительного бюро Центрального Совета СВБ СССР⁸⁴.

Вне всякого сомнения, научную и практическую деятельность ученого в этом направлении сегодня следует рассматривать строго в контексте того времени. Очевидно, какие-то его положения устарели и просто оказались неверными. Кстати, сам исследователь, внимательно следя за новыми материалами и теориями, критически оценивал сделанное им и пересматривал ранее высказанные им положения⁸⁵. Главным достоинством работ Н. М. Маторина являлась их солидная источниковедческая база, строго научный и творческий подход к анализу материала. Не случайно оппоненты нередко критиковали его за это. Так, в одном обзоре можно прочитать: «Отличаясь обилием фактического материала, работы т. Маторина, однако, страдают налетом некоторой академичности»⁸⁶. Но основные его работы выдержали проверку временем, и в наши дни переживают второе рождение, вновь становясь достоянием науки. К ним нередко обращаются современные исследователи для подтверждения своих построений и выводов⁸⁷.

В своих работах Николай Михайлович касался самых разнообразных проблем этнографии. Наибольший интерес у него всегда вызывали сюжеты, связанные с традиционными верованиями и религией народов, среди которых ему довелось побывать даже короткое время. Так, встречаясь в Приволжье с калмыками, он обратил внимание на своеобразное обращение верующих буддистов со своими божествами: «Мажут им мордочку сметаной, маслом, а в случае неудачи — бьют»⁸⁸.

И сегодня для нас представляют большой интерес его наблюдения о межнациональных отношениях в регионе. «Следы исконной вражды казаков с „иногородними“ еще сохранились до сих пор. Гордый казак не равняет себя с крестьянином. Он — „хлебороб“»⁸⁹. Н. М. Маторин предупреждал, что уничтожить следы старой вражды, имеющей определенные причины, будет не так-то легко⁹⁰. В наше время это предостережение ученого звучит весьма злободневно⁹¹.

В последние годы жизни в научных интересах исследователя все большее место занимал фольклор. На состоявшемся в декабре 1933 г. первом совещании писателей и фольклористов он принципиально отстаивал идею близкой связи фольклора именно с этнографией, говорил о научно-историческом значении фольклора. Было решено образовать бюро как постоянный орган совместной работы фольклористов и писателей, а Н. М. Маторин был избран членом этого бюро⁹².

В начале 1934 г. получает оформление идея проведения в декабре того же года I Всесоюзной конференции по фольклору. Оргкомитет возглавил акад. И. И. Мещанинов, среди членов — Н. М. Маторин, А. А. Тахо-Годи, Б. М. Соколов, В. М. Жирмунский, М. К. Азадовский. Предполагалось, что Н. М. Маторин выступит с докладами «Фольклор и антирелигиозная пропаганда» и «Место фольклора в ряде исторических дисциплин»⁹³.

В Институте языка и мышления АН СССР под руководством проф. Маторина был организован специальный семинар по фольклору. За короткий срок сам руководитель выступил с докладами, посвященными фольклорным работам Поля Лафарга, Ф. И. Буслаева, А. Н. Афанасьева, А. Н. Веселовского⁹⁴.

Знакомство с многочисленными, прежде всего архивными материалами, дает право утверждать, что у Н. М. Маторина на научной и личной почве были довольно близкие отношения со многими учеными, например с акад. С. Ф. Ольденбургом, акад. Н. Я. Марром, Д. К. Зелениным, В. Г. Богоразом, М. К. Азадовским, Б. М. и Ю. М. Соколовыми, И. И. Зарубиным и др. 10 октября 1933 г. Николай Михайлович подарил свои книги И. И. Зарубину, сопроводив их надписями. На титуле «Религия у народов Волжско-Камского региона прежде и теперь» он написал: «Ивану Ивановичу Зарубину на память от автора», а на книге «Женское божество в православном культе» — «На память Ивану Ивановичу Зарубину. На память о совместной работе в МАЭ»⁹⁵. С. Н. Маторина вспоминает, что в доме были книги В. Г. Богораз с дарственными надписями семье Николая Михайловича — их читали и взрослые, и дети. В. Г. Богораз был хорошим рассказчиком, и дети особенно ожидали его прихода к ним в гости.

Николай Михайлович принял участие в юбилейном сборнике, посвященном С. Ф. Ольденбургу, а после его кончины выступил в Географическом обществе с

докладом «С. Ф. Ольденбург как этнограф»⁹⁶. Памяти своего московского друга Б. М. Соколова он также посвятил скорбные слова прощания⁹⁷. Н. М. Маторин принадлежал к числу таких ученых, которые искренне приняли учение Н. Я. Марра и пропагандировали его⁹⁸. 29 августа 1931 г. М. К. Азадовский писал Николаю Михайловичу: «...говорят, Вы еще не скоро выберетесь к нам, — мне же хочется поговорить с Вами о куче разных дел, из которых некоторые представляются довольно срочными... Я считаю совершенно необходимым организовать специальное издание под примерным названием — что-либо в роде «Бюллетеня фольклорной секции»⁹⁹.

Близкие, неформальные отношения связывали Николая Михайловича с его учениками, среди которых следует назвать в первую очередь Н. Н. Волкова, Н. А. Кислякова, А. И. Клибанова, Л. П. Потапова, М. И. Шахновича, молодыми сотрудниками Н. И. Гаген-Торн, Н. П. Дыренковой, И. В. Карнауховой, И. Н. Винниковым и другими. Дружески принимали в доме стажера из США индейца Арчибальда Финнея (Арчи), у которого даже завязался роман с одной из родственниц хозяина.

Но все больший размах и частоту приобретали политические дискуссии, чистки, приводившие к обострению отношений, к смене дружбы враждебностью, как, например, произошло в случае с известным теоретиком в области этнографии и археологии С. Н. Быковским. Сам С. Н. Быковский так охарактеризовал свое отношение к бывшему другу и коллеге: «Работая с 1930 г. в Ленинграде, столкнулся в практической работе с двурушником Маториным, которого неоднократно разоблачал, в частности, за год до его ареста на партийной чистке ставил вопрос о том, что субъективно или объективно он противодействует линии партии»¹⁰⁰. В те годы это не могло не отразиться на судьбе ученого.

Н. М. Маторин был опытным руководителем, понимавшим, с одной стороны, интересы подлинной науки, а с другой стороны, жесткие требования времени. Несомненно, некоторые его действия определялись партийной дисциплиной. И это заставляло его в публикуемых статьях и отмежевываться «от всяческих буржуазных суррогатов обществоведения» и утверждать, что «объектом исследования этнографии должны быть социально-экономические формации в их конкретных вариантах». Однако его практическая деятельность как ученого, ведущего определенную тематику, и как руководителя научных учреждений убедительно показывает, что и он сам, и руководимые им МАЭ, ИПИИ, а после их слияния ИАЭ не следовали этим идеологизированным установкам.

Н. М. Маторин, можно уверенно утверждать, пользовался уважением в коллективе Института. Об этом, в частности, красноречиво свидетельствует текст приветствия директору по случаю его 35-летия, подготовленный Д. К. Зелениным, в неподкупности и порядочности которого сомневаться не приходится: «Не будучи специалистом-этнографом, Вы быстро уяснили истинные интересы, задачи и перспективы нашей многострадальной науки-этнографии, которая так долго была предметом злостных экспериментов, и сделали все зависящее от Вас для того, чтобы вывести наш Институт из тупика... В тяжелую эпоху жизни нашего Института Вы Вашим чутким и высоко гуманным отношением поддерживали во всех нас энтузиазм и тесную сплоченность»...¹⁰¹ Отмечалось и чуткое отношение к ученым-специалистам, и оздоровление вредной атмосферы, царившей в коллективе до его прихода, и создание нормальных условий для дружной и плодотворной работы, и внимание к росту молодых кадров этнографов как в АН СССР, так и в ЛГУ, и непреклонная борьба с легкомысленным отношением к делу, верхоглядством, бахвальством и безответственностью¹⁰². Отчеты о работе МАЭ за 1930—1932 гг. и ИАЭ за 1933 г. — годы директорства Н. М. Маторина свидетельствуют об организации разносторонней научной деятельности в коллективе, без излишнего шараханья в конъюктуру и т. д. Очевидно, к концу 1933 г. практическая деятельность Н. М. Маторина на посту директора вновь организованного ИАЭ уже не устраивала определенные руководящие, прежде всего идеологические органы. Против него велась открытая и скрытая борьба, плелись

интриги, что и заставило Н. М. Маторина подать заявление об уходе с поста директора института. Заслуживает внимания решение Президиума АН СССР от 23 декабря 1933 г. по кадровым перестановкам в ИАЭ: « § 17. Доложено заявление Н. М. Маторина об освобождении его от должности директора ИАЭ. Постановлено: 1) Освободить Н. М. Маторина от должности директора ИАЭ, согласно его заявления, с 1 января 1934 г. с оставлением его в должности старшего специалиста; 2) утвердить акад. И. И. Мещанинова в должности директора ИАЭ с 1 января 1934 г. с последующим утверждением ООН и ОС; 3) учредить должность Зам. директора ИАЭ и утвердить в этой должности А. А. Бусыгина с 1 января 1934 г.; 4) поручить акад. И. И. Мещанинову и А. А. Бусыгину приступить к приему дел с таким расчетом, чтобы Н. М. Маторин был освобожден от административных обязанностей с 1 января 1934 г.»¹⁰³. Конечно, с точки зрения академической науки может показаться логичным назначение на пост директора Института в системе АН СССР академика, в данном случае академика И. И. Мещанинова. Вне всякого сомнения другое: при новом директоре явно для усиления идеологического влияния и контроля специально учреждается должность заместителя директора, на которую назначается специалист по марксизму и опытный кадровик А. А. Бусыгин¹⁰⁴. Назначение А. А. Бусыгина в определенной степени объясняет причины ухода с руководящей должности Н. М. Маторина: одного теперь заменяют двое, у каждого из них свои обязанности и полномочия. Н. М. Маторин должен спешно сдать дела, чтобы новое руководство через неделю, с нового года начало осуществлять новый стиль руководства.

Итак, с 1 января 1934 г. по штатному расписанию этого учреждения Н. М. Маторин уже значится как старший специалист Института антропологии и этнографии АН СССР¹⁰⁵. В 1934 г. в институте была введена новая структура, и основными научно-исследовательскими ячейками стали кабинеты, группы и секции, функционально отражающие основные направления научных исследований. Н. М. Маторин возглавил деятельность двух крупных групп: первобытного коммунистического общества и фольклора доклассового общества. К участию в их работе были привлечены ведущие ученые и творческая молодежь: В. Г. Богораз, Д. К. Зеленин, В. А. Городцов, М. К. Азадовский, С. А. Штернберг, С. Н. Быковский, И. Н. Винников, В. А. Чатопада, М. Д. Торэн, К. М. Мыльникова, А. С. Форштейн, А. И. Никифоров и др.¹⁰⁶ Он сам активно выступал с докладами: «Н. Я. Марр и историческая наука», «Эволюционная школа в этнографии», «Значение работ А. Н. Афанасьева в области сравнительной мифологии и советская фольклористика»¹⁰⁷. Был подготовлен и сдан в печать сборник, посвященный 50-летию выхода книги Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». В том же 1934 г. под редакцией Н. М. Маторина были сданы в издательство два первых тома из запланированного шеститомного справочника «Народы СССР»¹⁰⁸.

В 1934 г. в Ленинграде в издательстве АН СССР под редакцией Н. М. Маторина выходит первый выпуск сборника «Советский фольклор», который мыслился как неперiodическая серия «Трудов фольклорной секции Института антропологии и этнографии АН СССР». Он был посвящен исключительно проблемам современного фольклора — фольклора Октябрьской революции и гражданской войны¹⁰⁹.

С 12 по 16 июня 1934 г. Н. М. Маторин принимал деятельное участие в научно-исследовательской конференции по антирелигиозной работе, после которой 1 июля он выехал в Мордовию для руководства этнографической экспедицией, а с 1 сентября по 5 ноября находился по заданию АН СССР в командировке в Северной и Южной Осетии, Абхазии и Азербайджане¹¹⁰.

В «Советской этнографии» (1934, № 6) среди юбилейных статей, посвященных 50-летию выхода книги «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса должна была быть напечатана статья Н. М. Маторина «Пережитки матриархата в религии народов Поволжья»¹¹¹.

30 декабря 1934 г. Н. М. Маторин принимал участие в расширенном научном совещании Музея истории религии АН СССР, посвященном вопросам изучения

религии доклассового общества, которое состоялось в Малом конференц-зале АН СССР в Ленинграде. Как позднее сообщалось в отчете, со вступительным словом выступил В. Г. Богораз, в совещании участвовали А. И. Тюменев, В. В. Струве, И. Г. Франк-Каменецкий, П. П. Ефименко, Ю. П. Францов...¹¹² Имя Н. М. Маторина в списке уже не значилось, на него на многие годы было наложено табу...

После убийства С. М. Кирова 1 декабря 1934 г. через судьбы великого множества людей в Ленинграде пролегла черная полоса¹¹³. Не миновала она и Н. М. Маторина. 29 декабря 1934 г. партийный комитет АН СССР исключил его из членов ВКП(б) «как активного оппозиционера в прошлом, не порвавшего идейных связей с контрреволюционной зиновьевской оппозицией в последние годы»¹¹⁴. Но и в эти дни он продолжал работать. В его записной книжке читаем: «1935 г. 1 января. ЛГУ. Лекция по курсу „Этнография СССР“ на 5 курсе географического факультета (О народах Севера). 2 января. Работал до 2 часов ночи, готовился к очередной лекции (5 января). В ночь на 3 января — арест»¹¹⁵. Понимал ли Николай Михайлович, что произошло и насколько серьезно обстоит дело? Чем он занимается после ареста? «3—14 января. Обдумывал статьи и курсы. 14 января. Начал писать конспекты книг и статей. 27 января. Первый набросок плана романа, драмы „Кудекуша Трепещ“, поэмы „Вятч Кукша“. 30 января. Передача из дому. 3 февраля. Передача из дому. Январь — февраль — разработка драмы „Кудекуша Трепещ“. Читал „Жан-Кристоф“ Ромэна Роллана».

А в это время 15 января на заседании Президиума АН СССР, как гласит его протокол за подписью Непременного секретаря акад. В. П. Волгина, «§ 24 — доложено об освобождении от работы в Академии наук (Институт антропологии и этнографии. Музей истории религии и редакция „Советской этнографии“) Н. М. Маторина и об утверждении старшим специалистом ИЭА Я. П. Кошкина. Постановлено: Снять с работы в Академии наук (Институт антропологии и этнографии, Музей истории религии и редакция „Советской этнографии“) Н. М. Маторина и утвердить старшим специалистом ИЭА Я. П. Кошкина с 15 января 1935 г. с окладом 500 рублей в месяц»¹¹⁶. 19 января он был уволен как член контрреволюционной организации с профессорской должности ЛИЛИ¹¹⁷. 23 января 1935 г. Василеостровский РК ВКП(б) заочно исключил Н. М. Маторина из членов партии «за принадлежность к контрреволюционной зиновьевской группе»¹¹⁸. Отныне судьба Н. М. Маторина окончательно и бесповоротно накрепко связана с судьбой членов этой «группы», и он в полной мере разделит с ними их предрешенную участь.

Но Николай Михайлович продолжал самозабвенно работать. «6 февраля. Написана объяснительная записка и конспект докторской диссертации „Религиозный синкретизм“»¹¹⁹. 13 февраля после свидания с матерью, женой и детьми ему был зачитан приговор Особого Совещания НКВД СССР: «за контрреволюционную деятельность» он был осужден на 5 лет исправительно-трудовых лагерей, а 14 февраля его отправляют по железной дороге в Ташкент для отбытия срока. За 10 дней пути он прочитал для своих спутников 6 лекций на самые разные темы: «Первобытное общество», «Народы СССР», «Христианизация России», «Бытовое православие», «Народы Средней Азии», «А. С. Пушкин». С дороги послал домой три письма и одну телеграмму, беспокоился о судьбе семьи, родственников.

Братья и сестры его были арестованы или высланы в различные отдаленные места. Мать оказалась в Стерлитамаке... Вскоре после вынесения приговора решила и участь семьи: 27 февраля 1935 г. жена с детьми была административно выслана в Ташкент, куда они и прибыли в начале марта¹²⁰. Н. М. Маторин отбывал наказание в лагере близ совхоза Малек, куда периодически к нему приезжали члены семьи¹²¹.

Активность, стремление к настоящей деятельности и здесь не оставляли Николая Михайловича, хотя можно думать, это давалось ему нелегко. Сферы приложения энергии были самые разнообразные: он вел переговоры о работе на опытном поле, участвовал в выпуске стенгазеты, много беседовал с сокамерниками,

собирая у них этнографический и фольклорный материал по свадьбе, верованиям, поверьям, обычаям и т. д. Продумывал написание статей: «Об этнографическом образовании: этнография, история и география»; «О религиозных легендах после революции»; «Проблемы религиозного синкретизма в трудах Н. Я. Марра»; «Шаманизм и православие»; «Религиозный синкретизм в старообрядчестве и сектантстве»; «Пережитки шаманизма в религиях Поволжья»; «Н. Я. Марр и А. Н. Веселовский»; «Религиозный синкретизм в исламе». В связи с темой докторской диссертации он планировал работу в конкретных архивах Ленинграда, Москвы, Киева, Минска, защиту диссертации в Казани¹²². Над ней он постоянно работал в лагере. Еще в Ленинградской тюрьме он написал статью «Фольклор как исторический источник», которую через руководство СазЛАГа направил в АН СССР для публикации в «Советской этнографии». 3 декабря 1935 г. окончил статью «В Брянских лесах (этнографические материалы из села Чермино быв. Орловской губернии)», работал над статьей «К вопросу о бытовом исламе». Летом 1935 г. ученый разрабатывал «Программу для собирания материалов по религиозным представлениям и культу. Бытовой ислам», ознакомил с нею руководство лагеря и получил согласие на сбор материала путем бесед с заключенными, среди которых были не только выходцы из Средней Азии и Казахстана, но и Кавказа, Крыма, Поволжья. Николай Михайлович старался читать научную литературу, в том числе «Советскую этнографию», конспектировал доходившие до него новые книги. Следил за новинками художественной литературы, делая выписки из журналов «Новый мир», «Звезда», «Красная новь». И много писал сам, особенно стихов. Пожалуй, даже названия их уже могут дать некоторое представление, о чем думал заключенный лагеря Малек Н. М. Маторин. Воспоминания о людях («Лев Штернберг», «В. А. Городцову»), о местах, где бывал («Дагестан», «Себеж») и много мучительных размышлений («Ласточка», «Журавли», «Вы бежали, глотая слезы», «Давно свою продумал я вину», «Нас встретил хмуро солнечный Восток», «Я никому не нужен тут», «Лиде», «Я нового творить сегодня не могу», «Я размышляю о себе», «Я заглянул, что там за гранью», «Я не сетую, только знаю...»). Имея возможность читать прессу, следить за событиями в стране, он чувствовал приближение новых репрессий.

18 февраля 1936 г. Н. М. Маторина отправляют в Ташкент на пересыльный пункт, ведение записок обрывается¹²³. Его возвращают в Ленинград, где началось новое следствие по делу «контрреволюционной зиновьевской группы», бесконечные пытки и мучения. Теперь уже не было никаких условий не только читать и писать, но даже думать о науке, о перспективах. Едва ли Н. М. Маторину в тех ужасных условиях сообщили, что в конце обвинительного заключения по делу Г. Е. Зиновьева и его коллег, оглашенного в Москве в Доме Союзов 19 августа 1936 г., наряду с другими упоминалось и его имя с указанием о выделении их дел в особое производство в связи с продолжением следствия по нему: он это «продолжение следствия» испытывал физически ежедневно. Р. Конквест пишет: «О Маторине, личном секретаре Зиновьева, в ходе суда было сказано, еще раз, что он находится под следствием и будет судим позже „в связи с другим делом“. Но ни один из названных людей никогда больше не появился перед открытым судом, и в большинстве случаев мы ничего не знаем об их судьбах»¹²⁴.

Но сегодня о судьбе Н. М. Маторина мы можем определенно сказать следующее. 11 октября 1936 г. выездной сессией Военной коллегии Верховного суда СССР под председательством В. В. Ульриха Н. М. Маторин был обвинен в том, что он «является активным участником контрреволюционной троцкистско-зиновьевской террористической организации, осуществившей 1 декабря 1934 г. злодейское убийство С. М. Кирова» и приговорен на основании статьи 58—8. II УК РСФСР к высшей мере наказания — расстрелу¹²⁵, который через считанные минуты после оглашения приговора был приведен в исполнение¹²⁶.

20 марта 1958 г. Военной коллегией Верховного суда СССР приговор в отношении Н. М. Маторина был отменен и дело прекращено за отсутствием состава

преступления¹²⁷, а летом 1989 г. он решением Ленинградского ОК КПСС был восстановлен в партии¹²⁸.

Сразу после ареста в периодической печати, в научных изданиях появилась критика и разоблачения «врагов народа», среди которых прямо называлось или подразумевалось имя Н. М. Маторина¹²⁹. Наступил длительный период забвения...

Настоящая статья ставила своей целью определить место Н. М. Маторина как равноправного участника в развитии этнографической науки в период 20—30-х годов. Совершенно очевидно, что он был одним из крупных ученых-этнографов среднего поколения в те годы. Это подтверждает отзыв академиков И. И. Мещанинова и И. А. Орбели о Н. М. Маторине, написанный ими 8 июня 1929 г.: «Николай Михайлович провел ряд интересных исследований по прослеживанию хозяйственной подосновы в сохранившихся культовых обрядах, свидетельствующих о последовательной смене хозяйственных структур. Николай Михайлович уже участвует в работе Академии, принимая деятельное участие в занятиях секции генетики культуры.

Зная отзыв Н. Я. Марра о работах Н. М. Маторина, мы в полной мере подерживаем кандидатуру его на избрание научным сотрудником I категории, к каковой он вполне подходит по своей научной квалификации и какую может занять с большой пользой для проведения плановых работ Академии»¹³⁰. Напомним, что этот отзыв написан еще до появления ряда крупных работ Маторина, которые не потеряли своего значения и поныне¹³¹. Об этом говорит и факт повторного издания некоторых из них. Так, в 1974 г. была вновь опубликована его статья «К вопросу об идеологии скопчества»¹³², готовится к переизданию работа его ученика Н. Н. Волкова на эту же тему.

В течение невероятно короткого времени Н. М. Маторин создал целое направление в науке, связанное с изучением сектантства, народных верований, способствовал росту новых исследователей по этой проблеме. Недавно в архиве МАЭ мне довелось познакомиться с «Биографическими заметками» Л. И. Лаврова, в которых он тепло вспоминает о помощи ему со стороны Н. М. Маторина: «Маторин покровительствовал всем, кого интересовали народные верования. После его ареста эта тема надолго оказалась забытой, т. к. научные работники боялись, что их заподозрят в былых связях с „врагом народа“»¹³³. Данью уважения памяти Н. М. Маторина было бы издание томика избранных трудов этого яркого самобытного ученого. В предлагаемой книге могли бы быть собраны и воспоминания о Н. М. Маторине его современников, учеников.

Н. М. Маторин в сложное, трудное время возглавлял этнографическую науку в Ленинграде, (в те годы центр этнографии в системе АН СССР находился именно в Ленинграде). Он был одним из активных участников многогранного, противоречивого, но поступательного процесса развития этнографии как науки в нашей стране¹³⁴.

Примечания

¹ О Н. М. Маторине см.: Те, чье дело мы продолжаем. Николай Михайлович Маторин (1898—1935) // Наука и религия. 1967. № 7. С. 15; Носова Г. А. Н. М. Маторин как исследователь религии (К 70-летию со дня рождения) // Вопросы научного атеизма. Вып. 7. М., 1969. С. 366—386; Решетов А. М. Н. М. Маторин — педагог, организатор науки, исследователь (к 90-летию со дня рождения) // Полевые исследования ГМЭ народов СССР 1985—1987 гг. Тезисы докладов научной сессии. Л., 1989. С. 23—25.

² Николай был старший в семье, после него родились Наталия — 1900 г., Зинаида — 1902 г., Нина — 1904 г., Роман — 1906 г., Михаил — 1908 г., Дмитрий — 1910 г. О семье Маториных см.: Маторин Д. М. От «Шпалерки» до Магадана // Спортивная жизнь России. 1989. № 5. С. 40—43.

³ Архив Института истории материальной культуры (далее АИИМК) РАН, Ф. 2. Оп. 3. Д. 420. Л. 8. Особенно выделял Н. М. Маторин лекции акад. Б. А. Тураева по истории древнего Востока.

⁴ Подробнее см.: Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (далее СПб ФА РАН). Ф. 4. Оп. 4. Д. 2851 и 6303.

⁵ На обоих председательских постах был известный партийный и государственный деятель

Григорий Евсеевич Зиновьев (1883—1936). Совместная работа и знакомство с Г. Е. Зиновьевым в дальнейшем будет играть крупную, а в конце концов трагическую роль в судьбе Н. М. Маторина.

⁶ В 1916 г. Н. М. Маторин поступил на историко-филологический факультет Петроградского университета. Сам Н. М. Маторин в анкетах при заполнении графы об образовании писал: «Незаконченное высшее, историко-филологический факультет ЛГУ». Справка от 24 марта 1926 г. за № 1149. См.: СПб ФА РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 2851. Л. 1; Д. 6306. Л. 1.

⁷ АИИМК. Ф. 2. Оп. 3. 420. Л. 8.

⁸ Там же. Л. 1. С этого же года он вел стаж своей научной работы по этнографии и состоял членом профсоюза работников просвещения с 29 октября 1924 г., хотя членом профсоюза состоял с 1918 г. См.: СПб ФА РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 6306. Л. 1; Д. 2851. Л. 1.

⁹ Подробнее см.: Список работ Н. М. Маторина. См. также: АИИМК. Ф. 2. Оп. 2. Д. 420. Л. 8.

¹⁰ Там же.

¹¹ Письмо Управления КГБ по Ленинградской области от 13 июня 1990 г. Л. 2. Хранится в архиве автора.

¹² О Г. Е. Зиновьеве в этот период см.: История КПСС. Изд. пятое, дополненное. М., 1977. С. 349—352; Лисочкин И. Революционер, теоретик, публицист // Ленинградская правда. 21 июня 1988. С. 2.

¹³ Наука и научные работники СССР. Ч. VI. Научные работники СССР без Москвы и Ленинграда. Л., 1928. С. 248.

¹⁴ АИИМК. Ф. 2. Оп. 2. Д. 420. Л. 8.

¹⁵ Письмо Управления КГБ по Ленинградской области от 13 июня 1990 г.

¹⁶ АИИМК. Цит. дело. Л. 8. На с. 6 этой книги Н. М. Маторин указал точную дату и место создания этой книги: «Май — август 1928 г. Казань — Москва».

¹⁷ О работе Н. М. Маторина в вузах Ленинграда в 1928—1935 гг. подробнее см.: АИИМК. Ф. 2. Оп. 2. Д. 420; Центральный государственный архив литературы и искусства (Ленинград). Ф. 328. Оп. 2. Д. 1033.

¹⁸ Этот факультет в значительной мере обслуживался работниками этнографического отделения.

¹⁹ Первобытное общество. Сборник статей. М., 1932. 255 с.

²⁰ См., например, Географическое общество за 125 лет. Л., 1970.

²¹ Подробнее см.: Сукоркин И. Этнографическая секция Общества историков-марксистов при Ленинградском отделении Коммунистической Академии // Советская этнография. (далее — СЭ). 1931. № 1—2. С. 155.

²² Подробнее об этом см.: Архив МАЭ РАН. Ф. К1. Оп. 3. Д. 7; Соколов Б. М. Построение и деятельность советских этнографических музеев // Этнография. 1929. № 2. С. 131—139; Итоги Всероссийского археолого-этнографического совещания. 1932. № 3. С. 3—14; Труды Первого всесоюзного географического съезда (11—18 апреля 1933 г.). Л., 1934; Архив Географического общества. Ф. 1—1933. Оп. 1. Д. 5.

²³ СПб ФА РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 2851. Л. 2.

²⁴ Там же. Л. 6, 8, 12. В Европейский отдел входили Русский, Украинский, Белорусский, Средневожский сектора.

²⁵ Носова Г. А. Указ. раб.

²⁶ Труд и быт в колхозах. Из опыта изучения колхозов. I. Л., 1931; Данилин А. Группа по изучению быта колхозов // СЭ. 1931. № 1—2. С. 161—162.

²⁷ Там же; СПб ФА РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 2851. Л. 11.

²⁸ Тамми В. С. Новое изучение карел // СЭ. 1931. № 3—4. С. 226; СПб ФА РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 2851. Л. 14.

²⁹ СПб ФА РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 2851. Л. 15. Одновременно с ним директором Института востоковедения АН СССР был избран акад. С. Ф. Ольденбург, директором Института новой русской литературы акад. А. В. Луначарский, директором Института по изучению народов акад. Н. Я. Марр, Председателем Комиссии по изучению украинской истории акад. М. С. Грушевский.

³⁰ Отчет о деятельности АН СССР в 1932 г. Л., 1933. С. 204.

³¹ Отчет о деятельности АН СССР в 1933 г. Л., 1934. С. 213.

³² Вестник АН СССР. 1933. № 2. С. 44.

³³ Станюкович Т. В. Этнографическая наука и музеи. Л., 1978. С. 206—210.

³⁴ Приезжавший в начале 1933 г. в Ленинград на юбилей акад. С. Ф. Ольденбурга директор Индийского Института в Париже проф. Сильвен Леви на встрече с востоковедами города предложил установить постоянную и теснейшую связь с французскими востоковедами и был приятно удивлен, узнав из выступления Н. М. Маторина, что в МАЭ работают три американских этнографа и вскоре для работы приезжает индеец. См.: «Красная вечерняя газета», 4 февраля 1933 г.

³⁵ Маторин Н. М. Современный этап и задачи советской этнографии. // СЭ. 1932. № 1—2. С. 38.

³⁶ Подробнее см.: К организации Музея истории религии Всесоюзной Академии наук // СЭ. 1931. № 1—2. С. 171—172.

³⁷ Носова Г. А. Указ. раб.; Отчет о деятельности АН СССР в 1933 г. Л., 1934. С. 246.

³⁸ СПб ФА РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 2851. Л. 20.

³⁹ Вестник АН СССР. 1933. № 5. С. 56.

⁴⁰ Подробнее см.: Труды первого всероссийского музейного съезда. Т. I—II. М., 1931. Н. М. Маторин был членом Оргкомитета по созыву этого съезда // СПб ФА РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 2851. Л. 10.

⁴¹ Труды... Т. I. Протоколы пленарных заседаний 1—5 декабря 1930 г. С. 22, 23.

⁴² Там же. С. 162.

⁴³ Там же. С. 201—202.

- ⁴⁴ Труды... Т. II. Материалы секционных заседаний 1—5 декабря 1930 г. С. 129—133.
- ⁴⁵ Там же. С. 133.
- ⁴⁶ Подробнее см.: Труды... Т. I. С. 222—226.
- ⁴⁷ Там же. С. 226.
- ⁴⁸ Абрамзон С. М. «Советская этнография» в начале 30-х годов (из воспоминаний этнографа) // СЭ. 1976. № 4. С. 91.
- ⁴⁹ Першиц А. И., Чебоксаров Н. Н. 50 лет журнала «Советская этнография» // СЭ. 1976. № 4. С. 4.
- ⁵⁰ Станюкович Т. В. Указ раб., С. 181, 198; Абрамзон С. М. Указ. раб. С. 90—92.
- ⁵¹ Уральская Советская Энциклопедия. Т. I. Свердловск — Москва, 1933 // СЭ. 1932. № 5—6. С. 209.
- ⁵² См.: Список основных работ Н. М. Маторина.
- ⁵³ Подробнее об этом см.: Маторин Н. М. Современный этап и задачи советской этнографии. // СЭ. 1931. № 1—2. С. 3—38.
- ⁵⁴ Там же. С. 20.
- ⁵⁵ Резолюция Всероссийского археолого-этнографического совещания 7—11 мая 1932 года (По докладом С. Н. Быковского и Н. М. Маторина об археологии и этнографии) // СЭ. 1932. № 3. С. 14.
- ⁵⁶ Маторин Н. М. Указ. раб. С. 4.
- ⁵⁷ Там же. С. 20.
- ⁵⁸ От редакции // СЭ. 1931. № 1—2. С. 1.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ Ученик Н. М. Маторина проф. А. И. Клибанов называет его «видным деятелем советской этнографической науки и научного атеизма». Клибанов А. И. История религиозного сектантства. М., 1965. С. 32.
- ⁶¹ Даже после реабилитации имя Н. М. Маторина не упоминалось в литературе, в т. ч. специальной. См., напр.: По этапам развития атеизма в СССР: Сборник статей. Л., 1965. 331 с.
- ⁶² Невский А. А. Опыт работы по изучению восточно-европейского религиозного синкретизма в 20—30-х годах XX в. в Ленинграде // Архив Музея истории религии и атеизма. Ф. 36. Оп. 2. Д. 2. Л. 1.
- ⁶³ Подробнее о работе группы см.: Невский А. А. Работа группы по изучению истории культов Государственной Академии истории материальной культуры (ГАИМК) // СЭ. 1931. № 1—2. С. 169—171.
- ⁶⁴ Невский А. А. Опыт работы по изучению восточно-европейского религиозного синкретизма... Л. 2.
- ⁶⁵ Невский А. А. Секция по изучению религиозных верований народов СССР при Музее истории религии АН СССР // СЭ. 1934. № 3. С. 106—107.
- ⁶⁶ Маторин Н. М. Религия у народов Волжско-Камского края прежде и теперь. Язычество — ислам — православие — сектантство. М., 1929. 176 с.
- ⁶⁷ С любовью к родной природе. Священное дерево // За рубежом. 1989. № 48. С. 21.
- ⁶⁸ Маторин Н. М. Указ. раб. С. 105.
- ⁶⁹ См.: Дело Н. М. Маторина // Центральный государственный архив литературы и искусства (Ленинград). Ф. 328. Оп. 2. Д. 1033. Д. 42.
- ⁷⁰ См.: Носова Г. А. Указ. раб. С. 380.
- ⁷¹ Крупская Н. К. Педагогические сочинения. Т. 10. М., 1962. С. 250—251.
- ⁷² Маторин Н. М. Православие как производственный культ. // Антирелигиозник. 1929. № 5. С. 20—25; № 7. С. 76—85; № 8. С. 54—62; Маторин Н. М. и Невский А. А. Программа для изучения бытового православия (Программа-инструкция для краеведов). Л., 1930; Маторин Н. М. Православный культ и производство. М.; Л., 1931; *его же*. Женское божество в православном культе. Пятница — Богородица. Очерк по сравнительной мифологии. М., 1931.
- ⁷³ Это позднее подтвердят и исследования В. И. Чичерова. «Крестьяне в своем обрядовом обиходе прочно и долго (дольше, чем господствующие классы) сохранили элементы культа мертвых и верования, возникшие в связи с представлениями об умирающей и воскресающей природе. Для бытового православия была характерна потеря любым христианским образом, любой христианской легендой, при проникновении их в среду крестьянства, отвлеченного церковного характера. Легенды и образы христианской церкви низводились на землю, применялись к волнующей теме труда, земной, а не загробной жизни». Чичеров В. И. Зимний период русского земледельческого календаря XVI—XIX веков // Труды Института этнографии АН СССР. Т. XL. М., 1957. С. 38.
- ⁷⁴ Анализ работы Н. М. Маторина «Женское божество в православии» подробнее см.: Носова Г. А. Указ. раб. С. 372—376.
- ⁷⁵ Подробнее см.: Маторин Н. М. Женское божество... С. 13—16.
- ⁷⁶ Там же. С. 127.
- ⁷⁷ Это отнюдь не противоречит тому, что некоторые положения этой работы являются дискуссионными или устарели. См.: Носова Г. А. Указ. раб. С. 376.
- ⁷⁸ Чичеров В. И. Зимний период русского народного земледельческого календаря... С. 42.
- ⁷⁹ Подробнее см.: Маторин Н. М. Живые святые // Антирелигиозник. 1934. № 4. С. 17—24.
- ⁸⁰ Носова Г. А. Указ. раб. С. 377. Сам Н. М. Маторин свидетельствует: «Подготавливаю к печати большую работу о православии с этнографической точки зрения („Православное язычество“)» // АИИМК. Ф. 2. Оп. 2. Д. 420. Л. 9.
- ⁸¹ Маторин Н. М. К вопросу о методологии изучения религиозного синкретизма // Сергею Федоровичу Ольденбургу. К 50-летию научно-общественной деятельности. 1882—1932. Л., 1934. С. 339.
- ⁸² Там же. С. 341.
- ⁸³ Подробнее см.: Маторин Н. М. Изучение корней религиозности и задачи антирелигиозной работы // Воинствующий атеизм. 1931. № 4. С. 20—28.

⁸⁴ Подробнее о его работе на поприще антирелигиозной пропаганды см.: *Дунаевский Л.* Научно-исследовательская работа в области воинствующего атеизма за 15 лет // Воинствующее безбожие в СССР за 15 лет. М., 1932. С. 441—461; *Носова Г. А.* Указ. раб. С. 367; Центральный государственный архив литературы и искусства (Ленинград). Ф. 328. Оп. 2. Д. 1033. Л. 31.

⁸⁵ См., например: *Маторин Н. М.* Современный этап и задачи советской этнографии // СЭ. 1931. № 1—2. С. 10.

⁸⁶ *Дунаевский Л.* Указ. раб. С. 445.

⁸⁷ См., например: *Клибанов А. И.* История религиозного сектантства в России. М., 1965; *его же.* Религиозное сектантство и современность. М., 1969; *его же.* Религиозное сектантство в прошлом и настоящем. М., 1974; *Критика религиозного сектантства.* М., 1974.

⁸⁸ *Маторин Н.* Волга и Дон (Из сталинградских впечатлений). Л., 1925. С. 45.

⁸⁹ Там же. С. 30.

⁹⁰ Там же. С. 31.

⁹¹ См., например: *Фомин В.* Казачий круг приветствует «День» и «Молодая гвардия» // Литературная газета. 4 декабря 1991 г.

⁹² *А. Н.* Первое совещание писателей и фольклористов // СЭ. 1934. № 1—2. С. 204—206.

⁹³ Конференция по фольклору // СЭ. 1934. № 1—2. С. 208—209.

⁹⁴ *Лозанова А.* Работа по фольклору в Институте языка и мышления АН СССР // СЭ. 1934. № 1—2. С. 209.

⁹⁵ Обе эти книги находятся в библиотеке МАЭ, поступив туда в недавнее время после кончины И. И. Зарубина. Первоначальные библиотечные экземпляры были изъяты и уничтожены после ареста Н. М. Маторина.

⁹⁶ *Маторин Н. М. С. Ф.* Ольденбург как этнограф // СЭ. 1934. № 1—2. С. 3—5; 50-летие научной и общественной деятельности акад. С. Ф. Ольденбурга // За социалистическую науку. 25 февраля 1933 г.

⁹⁷ *Маторин Н. М.* Ученый-общественник Борис Матвеевич Соколов // Сообщения ГАИМК. 1931. № 1. С. 30—32. Совместно с Ю. М. Соколовым он подготовил и способствовал изданию продолжения работы Б. М. Соколова «Русский фольклор». См.: *Соколов Ю. М.* Русский фольклор. Вып. IV. Частушки, мещанские и блатные песни, фабрично-заводской и крестьянский фольклор / Под ред. Н. М. Маторина. М., 1932.

⁹⁸ См., в частности: *Маторин Н. М. Н. Я.* Марр и историческая наука (К 45-летию творческой деятельности) // СЭ. 1933. № 5—6. С. 3—13.

⁹⁹ Из писем М. К. Азадовского (1912—1941). Публикация Л. В. Азадовской // Из истории русской фольклористики. Л., 1978. С. 231—232.

¹⁰⁰ *Быковский С. Н.* Автобиография // Спб ФА РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 4683. В свою очередь более или менее близкие отношения с Н. М. Маториным вменялись в вину его ученикам. А. И. Клибанов рассказывал мне, что одним из поводов его ареста было предисловие Н. М. Маторина к его книге. Л. П. Потапов выразил благодарность Н. М. Маторину как своему бывшему научному руководителю во время прохождения аспирантуры в АН (*Потапов Л. П.* Очерки истории Ойротии. Алтайцы в период русской колонизации. Новосибирск, 1933. С. 12), за что в дальнейшем неоднократно подвергался критике за утрату политической бдительности.

¹⁰¹ Спб ФА РАН. Ф. 849. Оп. 2. Д. 195. Л. 1.

¹⁰² Там же. Д. К. Зеленин имел все основания так писать о Н. М. Маторине. Напомним только один интересный показательный случай. После доклада Д. К. Зеленина «Итоги и перспективы изучения материального производства за 15 лет» на I Всесоюзном географическом съезде в апреле 1932 г. выступившие в прениях А. К. Сугинский, С. П. Толстов, В. И. Равдоникс, Е. Ю. Кричевский, А. Н. Бернштам, И. И. Смирнов, Я. П. Кошкин обвиняли его в вульгарном упрощенстве и панславизме, и только Н. М. Маторин тактично взял его под защиту, отметив, что «докладчик за последние годы старается продвинуться в деле овладения марксизмом и внедрения его в практическую работу и что основное достоинство докладчика в том, что он занимается конкретными темами материального производства». См.: *Данилин А.* Секция этнографии Всесоюзного географического съезда // СЭ. 1933. № 2. С. 114. Кстати, С. Н. Быковский, Я. П. Кошкин, С. А. Токарев, С. П. Толстов и др. выступили тогда же с резкой критикой доклада Н. М. Маторина «Советская этнография за 15 лет и ее дальнейшие задачи» за несвязанность предложенной им периодизации советской этнографии с периодизацией социально-экономической и политической жизни Советского Союза за годы революции. См.: *Данилин А.* Указ. раб. С. 113.

¹⁰³ Спб ФА РАН. Ф. 4. Оп. 2 (1933). Д. 2. Л. 201. ООИ — Отделение общественных наук; ОС — Общее собрание.

¹⁰⁴ Бусыгин Александр Александрович родился 18 марта 1899 г. Рано вступил в партию; в 1918—1924 гг. — на пропагандистской и партийной работе; в 1924—1927 гг. — преподаватель исторического материализма в Коммунистическом Университете трудящихся Востока, одновременно закончил трехгодичный курс Института красной профессуры по философскому отделению (г. Москва). В 1927—1929 гг. работал в различных вузах Ленинграда, с 1929 г. — ученый секретарь комиссии по аспирантуре АН СССР и одновременно — профессор, заведующий кафедрой и руководитель философских семинаров Отделения общественных наук АН СССР, с 1930 г. — зам. председателя комитета по подготовке кадров АН СССР, в 1932—1933 гг. — ответственный референт Ленинградского Комитета ВКП(б). С 1 января 1934 г. — зам. директора ИАЭ и ученый секретарь редколлегии Отделения Общественных наук АН СССР, с марта 1934 г. — ответственный редактор журнала «Советская этнография». С марта 1935 г. — ученый секретарь группы истории и философии АН СССР, с августа того же года — профессор, руководитель кафедры, а в ноябре присуждена ученая степень кандидата философских наук (без защиты). 1 мая 1936 г. был арестован по обвинению в участии в троцкистско-зиновьевской

террористической организации (ст. 58—8, 11 УК РСФСР). По приговору Выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР от 11 октября 1936 г. Бусыгин А. А. был приговорен к расстрелу. Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 29 октября 1957 г. приговор отменен и дело в отношении Бусыгина А. А. производством прекращено за отсутствием состава преступления. См.: СПб ФА РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 6272. Л. 2—9; Справка Управления КГБ по Ленинграду и Ленинградской области от 17 декабря 1991 г., хранится в архиве автора статьи.

¹⁰⁵ СПб ФА РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 6306.

¹⁰⁶ Институт антропологии и этнографии // Отчеты АН за 1934 г. М.; Л., 1935. С. 385—388.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ По отчету Института за 1934 г. эти тома значились как находящиеся в печати. См.: Отчет АН за 1934 г. М.; Л., 1935. С. 392.

¹⁰⁹ В 1936 г. вышел очередной № 2—3 Сборника «Советский фольклор» под редакцией М. К. Азадовского. В этом томе имя Н. М. Маторина уже не упоминалось по понятным причинам.

¹¹⁰ СПб ФА РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 2851. Л. 56.

¹¹¹ См. анонс № 6 // СЭ. 1934. № 6. № 6. был задержан и сдан в набор только 13 января 1935 г., т. е. уже после ареста Н. М. Маторина.

¹¹² Мануйлова Л. Н., Шахнович М. И. Научное совещание Музея истории религии в Академии наук СССР // СЭ. 1935. № 2. С. 158—160.

¹¹³ Лисочкин И. Указ. раб.

¹¹⁴ Об этом см.: В Обкоме КПСС. В партии восстановлены // Диалог. № 23. Л., 1989 август. С. 29.

¹¹⁵ Благодарю С. Н. Маторину — дочь Николая Михайловича, познакомившую меня с «Записными книжками» Н. М. Маторина за 1935—1936 гг., предоставившую в мое распоряжение их копии.

¹¹⁶ СПб ФА РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 2851. Л. 59.

¹¹⁷ Центральный государственный архив литературы и искусства (Ленинград). Ф. 328. Оп. 2. Д. 1033.

Л. 53.

¹¹⁸ В Обкоме КПСС... С. 29.

¹¹⁹ Записная книжка 1935—1936 гг. Л. 1.

¹²⁰ Маторина (Ильинская) Лидия Петровна родилась 22 марта 1895 г. в г. Новая Ладога. В 1910 г. вступила в партию большевиков. В начале 20-х годов работала в коммунальном и женском отделах Гдовского укома, где в агитпропотделе активную деятельность развивал Н. М. Маторин. В 1920 г. они поженились. В дальнейшем занимала различные посты в культурно-просветительских учреждениях Ленинграда, Себежа, Казани. В последние годы свободной жизни в Ленинграде возглавляла журнал «Работница и крестьянка». Умерла в Ташкенте 26 июля 1968 г. Реабилитирована в 1958 г. 20 июня 1989 г. решением ОК КПСС она по ходатайству дочери Светланы Николаевны восстановлена в КПСС.

¹²¹ Подробнее см.: Записная книжка 1935—1936 гг.

¹²² Не исключено, что после освобождения из лагеря он предполагал обосноваться в Казани и читать здесь курс этнографии.

¹²³ Ранее сделанные записки Н. М. Маторин успел в Ташкенте передать жене, у которой они и сохранились.

¹²⁴ Конквест Р. Большой террор // Нева. 1989. № 11. С. 120.

¹²⁵ См.: В Обкоме КПСС...; Письмо Управления КГБ по Ленинградской области от 13 июня 1990 г.

¹²⁶ К сожалению, места захоронения жертв репрессий до июля 1937 г. в Ленинграде пока не установлены // Письма Управления КГБ по Ленинградской области от 13 июня 1990 г.

¹²⁷ В связи с реабилитацией Н. М. Маторина семья получила из Ленинградского ЗАГСа свидетельство о смерти Николая Михайловича 29 февраля 1940 г. Эта дата опубликована мною: Решетов А. М. Н. М. Маторин — педагог, организатор науки, исследователь. С. 25. В первый период реабилитации, начавшийся после XX съезда КПСС, даты кончины репрессированных устанавливались произвольно, «разбрасывались» по разным годам, чтобы они не концентрировались в конце 30-х годов, особенно в 1936—1937 гг. Теперь мы знаем точную дату гибели Н. М. Маторина — 11 октября 1936 г.

¹²⁸ В Обкоме КПСС... С. 30. Инициатива партийной реабилитации Н. М. Маторина принадлежит его дочери С. Н. Маториной.

¹²⁹ См., например: Арциховский А., Воеводский М., Киселев С., Толстов С. О методах вредительства в археологии и этнографии // Историк-марксист. 1937. Кн. 2(60). С. 78—91; О вредительстве в области археологии и о ликвидации его последствий // Сов. археология. № 3. М.; Л., 1937. С. V—X. Попытки сказать правду о Н. М. Маторине пресекались еще в первые годы после реабилитации. См., например, Письмо А. В. Арциховского и С. П. Толстова в Отделение истории АН СССР от 27 ноября 1962 г. (Архив РАН. Ф. 142. Оп. 10. Д. 156. Л. 1—2). Первая статья о Н. М. Маторине была опубликована только в 1969 г.

¹³⁰ АИИМК. Ф. 2. Оп. 2. Д. 420. Л. 10.

¹³¹ Подробнее см.: Клибанов А. И. История религиозного сектанства. М., 1965; Носова Г. А. Язычество в православии. М., 1975; Жуковская Н. Л. Ламанизм и ранние формы религии. М., 1977; Тульцева Л. А. Традиционные верования, праздники и обряды русского крестьянства. М., 1990.

¹³² Критика религиозного сектанства. М., 1974. С. 178—182.

¹³³ Лавров Л. И. Биографические заметки // Архив МАЭ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 93. Л. 91.

¹³⁴ См., в частности: Зеленин Д. К. Обзор советской этнографической литературы за 15 лет // СЭ. 1932. № 5—6. С. 234—267.

**СПИСОК ОСНОВНЫХ РАБОТ
НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА МАТОРИНА ***

- Культурная смычка с деревней (Опыт ленинградских рабочих). Л., 1924. 92 с.
- В помощь работнику Общества Смычки. Сборник материалов и инструкций по вопросам шефской работы. Л., 1925. 149 с.
- Ленинградские рабочие о деревне. Итоги летних рабочих отпусков в 1925 году. Под ред. и с предисл. Н. Маторина. Л., 1925. 173 с.
- Октябрь в деревне. Л., 1925. 23 с.
- Октябрьская революция и крестьянство. Л., 1925. 59 с.
- Волга и Дон (Из сталинградских впечатлений). Л., 1925. 55 с.
- Рабочее шефство и деревня. Л., 1925. 32 с.
- Рабочее шефство и деревня. 2-е испр. изд., Л., 1926. 32 с.
- Работница, укрепляй смычку с деревней! Л., 1926. 50 с.
- Сельская интеллигенция и ее задачи. Л., 1929. 16 с.
- Религия у народов Волжско-Камского края прежде и теперь. Язычество, ислам, православие, сектантство. М., 1929. 176 с. с ил.
- Кузница безбожников//Антирелигиозник. 1929. № 4. С. 32—33.
- Православие как производственный культ//Антирелигиозник. 1929. № 5. С. 20—27; № 7. С. 76—85; № 8. С. 54—62.
- На антирелигиозном фронте//Партработник. Л., 1929. № 7 (31). С. 17—20.
- Кто такие сектанты и куда они ведут. Л., 1930 (обл.— 1929). 40 с.
- Кто такие сектанты и куда они ведут. Изд. 2-е, испр. и доп. Л., 1930 (обл.— 1929). 40 с.
- Программа для изучения бытового православия. Программа-инструкция для краеведов. Л., 1930. 20 с. со схем. (совместно с А. А. Невским).
- Религия и борьба с нею в Северном крае. Л., 1930. 47 с.
- Краеведение и антирелигиозная пропаганда//Антирелигиозник. 1930. № 1. С. 40—45.
- К вопросу об идеологии скопчества//Антирелигиозник. 1930. № 6. С. 43—45.
- Нижневолжская экспедиция Ленинградского университета//Антирелигиозник. 1930. № 8. С. 123—125.
- К вопросу о корнях религиозности и безбожия в СССР//Человек и природа. 1930. № 8. С. 13—18.
- Предисловие к кн.: Броунштейн В. Часовня христовой невесты. Отв. ред. Н. М. Маторин. Л., 1930. 112 с. (с. 3—10).
- Предисловие к кн.: Волков Н. Секта скопцов. Отв. ред. Н. М. Маторин. Л., 1930. 143 с. (с. 3—5).
- Православный культ и производство. М.; Л., 1931. 40 с. с ил.
- Женское божество в православном культе. Пятница — богородица. Очерк по сравнительной мифологии. М., 1931. 144 с. с ил.
- Жрецы и знахари. Классовая роль жречества у народов Волжско-Камского края//Антирелигиозные верования народов СССР. Сб. этнографических материалов. М.; Л., 1931. Т. 2. С. 282—286.
- Предисловие к кн.: Волков Н. Секта скопцов. Изд. 2-е, доп. Отв. ред. Н. М. Маторин. Л., 1931. 168 с. (с. 3—6).
- Всероссийский музейный съезд и антирелигиозная работа (1—5 декабря 1930 г.)//Антирелигиозник. 1931. № 2. С. 62—64.
- Изучение корней религиозности и задачи антирелигиозной работы//Воинствующий атеизм. 1931. № 4. С. 20—28.
- Изучение народов СССР в эпоху социалистического строительства//Вестник АН СССР. 1931. № 2. С. 15—24.
- Музей антропологии и этнографии АН СССР. Антропологический отдел. Краткий путеводитель. Сост. Б. Н. Вишневикий. Ред. Н. М. Маторин. Л., 1931. 11 с.
- О перспективах и недостатках работы Союза воинствующих безбожников//Антирелигиозник. 1931. № 5. С. 18—22.
- Современный этап и задачи советской этнографии//Сов. этнография (далее — СЭ). 1931. № 1—2. С. 3—38.
- Ученый-общественник. Борис Матвеевич Соколов. (Этнограф и фольклорист. Некролог.)//Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры. 1931. № 1. С. 30—32.
- Музей антропологии и этнографии АН СССР//СЭ. 1931. № 1—2. С. 164—165.
- Предисловие к кн.: Клибанов А. И. Меннониты. Отв. ред. Н. М. Маторин. М.; Л., 1931. 110 с. (с. 3—4).
- Иконопись в антирелигиозной пропаганде//Сов. музей. 1931. № 2. С. 45—54.
- Предисловие к кн.: Труд и быт в колхозах. Из опыта изучения колхозов в Ленинградской области, Белоруссии и Украине//Труды Института по изучению народов СССР. Сб. первый. Редактор издания Н. М. Маторин. Л., 1931. 210 с. (С. 5—6).
- Труды Первого Всероссийского музейного съезда. Т. I. Протоколы пленарных заседаний. 1—5 декабря 1930 г. М., 1931; Н. М. Маторин — Выступления. С. 22, 94—97, 161—162, 171, 201—202, 222—223; Т. II. Материалы секционных заседаний 1—5 декабря 1930 г. М., 1931; Маторин Н. М. Научная работа в антирелигиозных музеях (доклад). С. 129—133.
- Возможна ли марксистская этнография (этнология). Тезисы доклада Н. М. Маторина. Всероссийское археолого-этнографическое совещание. Л., 1932. 12 с.

* Составитель — А. М. Решетов.

- Потапов Л. П. Поездка в колхозы Чемальского аймака Ойротской автономной области//Труды Института по изучению народов СССР. Редактор Н. М. Маторин. Вып. 1. Л., 1932.
- Первобытное общество. Сб. статей. Под ред. Н. М. Маторина. М., 1932. 255 с. с ил. Автор статей: Первобытный коммунизм. С. 5—26; Религия в родовом обществе. С. 208—216.
- На пороге второй пятилетки (Этнография в СССР)//СЭ. 1932, № 1. С. 2—4.
- Пятнадцать лет советской этнографии//СЭ. 1932. № 5—6. С. 1—14.
- Супинский А. К. Белорусы. Пробная статья для справочника «Народы СССР». Труды ИПИИ. Л., 1932. 33 с. Редактор Н. М. Маторин.
- Предисловие к кн.: Шмидт А. В. Жертвенные места Камско-Уральского края//Труды Государственной Академии истории материальной культуры. Т. 13. Вып. 1—2. Отв. ред. Н. М. Маторин. Л., 1932. 46 с. (С. 1—3).
- Соколов Ю. М. Русский фольклор. Вып. IV. Частушки, мешанские и блатные песни, фабрично-заводской и колхозный фольклор. Отв. ред. Н. М. Маторин. М., 1932. 112 с.
- Н. Я. Марр и историческая наука (К 45-летию научной деятельности)//СЭ. 1933. № 5—6. С. 3—13.
- Под знаменем марксизма (Задачи советской этнографии)//СЭ. 1933. № 3—4. С. 3—8.
- Пути отхода от религии (Часть главы «Из духовного рабства к безбожным колхозам», выходящей в скором времени работы автора «За пятнадцать лет (Очерки и памятные записки безбожника)»//Антирелигиозник. 1933. № 5. С. 13—20.
- Предисловие к кн.: Шахнович М. Пословицы и поговорки о полах и религии. Отв. ред. Н. М. Маторин. М., 1933. 112 с. (с. 3—5).
- Живые святые//Антирелигиозник. 1934. № 4. С. 17—21.
- Задачи этнографии в свете решений XVII съезда ВКП(б)//Сов. краеведение. 1934. № 6. С. 1—10.
- К вопросу о методологии изучения религиозного синкретизма.//Сергею Федоровичу Ольденбургу. К 50-летию научно-общественной деятельности. 1882—1932. Л., 1934. С. 337—358.
- Этнография в краеведческой работе//Сов. краеведение. 1934. № 11. С. 1—5.
- Об изучении религиозных верований народов СССР. Переработ. и доп. стенограф. доклад, прочитанный 13 июня 1934 г. на 2-й Всесоюзной конференции научно-исслед. учреждений по антирелигиозной работе//Антирелигиозник. 1934. № 5. С. 28—33.
- С. Ф. Ольденбург как этнограф (Некролог)//СЭ. 1934. № 1—2. С. 3—5.
- 15 лет советской этнографии и дальнейшие задачи (Доклад)//Труды Первого Всесоюзного географического съезда. Л., 1934. С. 98—105.
- Об изучении религиозных верований и процесса их отмирания//Труды Первого Всесоюзного географического съезда (11—18 апреля 1933 г.). Вып. 4. Секционные заседания. Л., 1934. С. 123—132.
- Мордовия на путях культурной революции//СЭ. 1934. № 3. С. 109—110.
- Две поездки в Поволжье//СЭ. 1934. № 4. С. 115—117.
- К вопросу об идеологии скопчества//Критика религиозного сектанства. М., 1974. С. 178—182.

© 1994 г., ЭО, № 3

Н. М. М а т о р и н

**ПРОГРАММА ДЛЯ СОБИРАНИЯ
ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ И ФОЛЬКЛОРНЫХ
МАТЕРИАЛОВ**

1

По условиям быта населения, среди которого намечается собрание этнографического и фольклорного материала, не представляется возможным сколько-нибудь исчерпывающее изучение материальной культуры (земледелия, ремесла, жилища и т. п.), так как последнее требует непосредственного ознакомления с орудиями, утварью, жилищем и прочими материальными объектами. Поэтому основное внимание должно быть сосредоточено на других разделах этнографии: 1) на социальных моментах и религиозных представлениях; 2) на фольклоре. По вопросу о социальных пережитках родового строя вряд ли можно собрать очень богатый материал, так как главная масса обследуемых относится к узбекскому дехканству; в большей мере можно изучить остатки родовых пережитков по опросным материалам среди туркмен и небольшой прослойки таджиков. С этой точки зрения максимальный